

Е.М. Сергеев**Взгляд сквозь годы. Воспоминания****(Окончание¹)****Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ (1914–1997) —**

крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, талантливый педагог Московского государственного университета, выдающийся организатор геологической науки, академик АН СССР и РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По инициативе Е.М. Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геоэкология: инженерная геология, гидрогеология, геокриология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г.

На страницах нашего журнала перепечатывается книга Е.М. Сергеева «Взгляд сквозь годы. Воспоминания», вышедшая в 2014 году в издательстве «ГЕОС» под редакцией В.И. Осипова (составители — О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева). Основой для нее послужили книги ученого «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также его мемуары, не издававшиеся ранее. В публикации приводится правдивый рассказ о жизненном пути академика, неразрывно связанном с историей нашей страны.

**Глава 26.
МГУ и Международная ассоциация
университетов (МАУ).
Ректор Р.В. Хохлов**

Некоторая замкнутость университетов всегда была для них характерна, и объединение между ними началось только после войны. Международная ассоциация университетов (МАУ) была создана по инициативе ЮНЕСКО в 1948 году. Первая (учредительная) конференция состоялась во Франции. На ней был принят устав, избраны руководящие органы. Своей основной целью МАУ считает координацию сотрудничества на международном уровне между университетами во всех странах, а также между различными организациями, чья деятельность имеет отношение к высшему образованию.

В соответствии с уставом, в МАУ принимается по крайней мере по одному высшему учебному заведению от каждой страны, обратившейся с просьбой о приеме. Все члены МАУ в рамках Ассоциации обладают равными правами. Региональные объединения университетов могли приниматься в МАУ в качестве ассоциированных членов, обладающих совещательным голосом.

В 1948 году членами Ассоциации стали более 800 высших учебных заведений из 120 стран и 8 ассоциированных членов: Ассоциация африканских университетов, Ассоциация арабских университетов, Ассоциация университетов стран Британского Содружества, Ассоциация высших учебных заведений Юго-Восточной Азии, Ассо-

циация университетов с частичным или полным преподаванием на французском языке, Международная федерация католических университетов, Союз университетов Латинской Америки и Постоянная конференция ректоров и вице-канцлеров европейских университетов (КРЕ).

II Генеральная конференция состоялась через пять лет в Турции, в Стамбуле. В качестве наблюдателя на ней присутствовал от Советского Союза заместитель министра высшего образования СССР М.А. Прокофьев. По его рекомендации Московский университет вступил в члены МАУ.

На III Генеральной конференции (Мексика, 1960) членом Совета МАУ был избран проректор МГУ профессор Г.Д. Вовченко.

IV Генеральная конференция МАУ проходила в Токио в 1965 году и была посвящена проблемам доступности высшего образования, роли университетов в развитии экономики и культуры, их автономии в разных странах. На этой конференции советская делегация была представлена ректором университета им. Патриса Лумумбы С.В. Румянцевым, ректором Киевского университета И.Т. Швецом, проректором Московского университета Е.М. Сергеевым и переводчиком Минвуза СССР.

Перед делегацией Минвуз поставил задачу не только участвовать в конференции, но и изучить отдельные вопросы работы японской высшей школы, и установить личные контакты с руководителями японских университетов (государственных и частных), осмотреть лаборатории университетов и ознакомиться с организацией учебного процесса в японских университетах. По всем этим

¹ Начало — № 1–6 журнала «Инженерная геология» за 2016–2017 гг. и № 1–5 журнала «Инженерная геология» за 2018 год.

вопросам сведений было мало и приходилось пользоваться лишь отдельными публикациями, так как работники советского посольства в японские университеты не допускались.

В советском посольстве нам объяснили, что собрать сведения о японских университетах — задача не простая. Ни в один университет нас не пустят, потому что все они работают по указке американских советников, которые к нам очень враждебно настроены. Американские советники, помогающие в организации работы японских государственных университетов, вряд ли будут рекомендовать им вступить с нами в контакт, а частные университеты ориентируются на политику государственных университетов. Министерство просвещения Японии также не пожелает иметь никаких контактов с советскими учеными. Но мрачные прогнозы сотрудников нашего посольства не оправдались.

Разместили делегатов конференции в 17-этажном отеле «Нью-Атани». Это было одно из самых больших зданий того времени. Япония, и в том числе Токио, располагается на территории высокой сейсмичности, и поэтому многоэтажные здания не было принято строить. Сейчас антисейсмическая техника ушла вперед, и ландшафт города стал неузнаваем. На экране телевизора, показывающего Токио, найти гостиницу, где мы жили, я не смог, ее закрыли более высокие здания.

После завтрака автобусы отвезли делегатов в главный корпус Токийского университета. Стоило только войти в здание, как становилось ясно, что работать в нем будет очень трудно. На улице изнуряющая жара (август месяц), в актовом зале все раскалено, а кондиционер отсутствует. Выходя из своей современной гостиницы, мы и подумать не могли, что можем попасть в такую обстановку.

Среди делегатов преобладали мужчины. Среди них ярким пятном, в пышных народных платьях, усыпанных драгоценностями, выделялись три дамы. Это были ректоры женских филиппинских университетов. Обучение мужчин и женщин, не знаю, как сейчас, но тогда на Филиппинах проходило раздельно. Советские делегаты внешне никак не выделялись по своей одежде от других, но кто-то успел шепнуть филиппинским дамам, что в таком-то ряду расположились «красные», приехавшие впервые на конференцию из далекой Москвы.

Во время перерыва все три дамы направились к нам. Обычное приветствие на английском языке, а затем прямой вопрос: «Правда, вы из Москвы?» Так началось знакомство. Весь разговор шел через нашего переводчика. Мы были очень удивлены, когда самая молодая из женщин — ректор, переодевшись в европейское платье, выступая в общей дискуссии, резко критиковала систему отбора абитуриентов в американские университеты по тестам, без участия при этом самих экзаменуемых. «Экзамен по почте», как выразилась она, когда нельзя взглянуть друг другу в глаза и представить себе, что за человек перед тобой находится, — это профанация. Время выступлений в общей дискуссии соблюдалось строго — пять минут, но и за это время наша новая знакомая успела наговорить много неприятного нашим коллегам-американцам, закончив примерно так: «При вашей системе исчезает живой человек, его заменяет бумага». Ей дружно аплодировали.

В общей дискуссии выступали С.В. Румянцев, И.Т. Швец и я по тем вопросам, которые, нам казалось,

должны были произвести впечатление на наших японских коллег: бесплатное обучение, обеспечение работой всех окончивших университет, аспирантура и систематическое повышение квалификации после определенного срока работы.

Вечерами проходили приемы. Принимал делегатов конференции ныне покойный император Японии Хирохито. Он был ученый, доктор биологических наук, изучал беспозвоночных Тихого океана. Прием проходил строго официально: делегаты подходили к императору, статс-секретарь министерства просвещения читал, что написано на жетоне делегата, император пожимал ему руку и приглашал в зал. Конвейер действовал непрерывно и только один раз дал сбой. Статс-секретарь зачитал мою фамилию и занимаемую должность «вице-президент Московского университета». Император вдруг встрепенулся и стал задавать вопросы: есть ли у нас биологический факультет, изучаются ли морские беспозвоночные, кто заведующий кафедрой (оказалось, что они знакомы и обмениваются публикациями)? Есть ли у меня самого аспиранты и сколько их? — и пошло, и пошло. Вопрос следует за вопросом, цепочка делегатов стоит, переминается с ноги на ногу и не понимает, в чем дело, почему остановилось движение. Кончилось тем, что микадо закричал через весь зал своей супруге: «Иди сюда, я тебя познакомлю с вице-президентом Московского университета». А когда она подошла к нам, пояснил: «Они тоже изучают морских беспозвоночных Тихого океана». Я осторожно прикоснулся к руке императрицы, и темная лента мужских костюмов двинулась дальше.

На следующий день один из японских коммунистов, председатель общества японо-советской дружбы (а в то время их было в Японии три и все с разными платформами) сказал мне: «Какой Вы счастливый, только приехали в Японию и были приняты императором, а я родился в Японии, все время здесь живу и даже издали не видел нашего микадо».

Наша знакомая — ректор женского университета Филиппин — очень хотела познакомиться с советскими коммунистами. Ее муж летчик погиб во время войны, находясь на стороне немцев. Поэтому она немного знала немецкий язык, примерно на моем уровне. В этом случае люди как-то лучше понимают друг друга. «Филиппинка» поинтересовалась, как нам понравился президент университета Хиросимы Морито. Мы честно сознались, что первый раз слышим эту фамилию.

— Да ведь он президент совета японских президентов университетов, независимо от того, государственные они или частные. Авторитет его очень большой. Второй день идет генеральная конференция, а вы не просили его о встрече. Какая ошибка!

Мы тут же решили исправить эту ошибку и попросили его принять нас по вопросу о связи между японскими и советскими университетами.

На следующий перерыв нам было назначено время для приема. Комната, в которой находился Морито, была просторная и благодаря сквознякам достаточно прохладная. Сам хозяин полулежал на низком диванчике у такого же низкого столика. Рядом с ним хлопотал его секретарь: он расставлял около Морито вполне подходящие по своей высоте стулья. Обмен приветствиями. И в этот момент входит смеющийся чиновник министерства просвещения, запретивший нам посещать японские университеты

и всякие поездки по стране. За руку он тащил ректора из университета Сан-Франциско, которого все узнавали по его почти двухметровому росту.

Морито прошептал, вернее прошипел, что-то нечленораздельное. Чиновник изменился в лице, остановился и стал задом выталкивать американского ректора из комнаты в коридор.

Мы сидели спокойно, делая вид, что ничего не видим и не слышим и воспринимаем это как обычное ритуальное происшествие. Когда порядок в комнате был восстановлен, мы изложили наши просьбы Морито и он сказал, что охотно поддержит их.

В этот же вечер мы встретились с некоторыми японскими ректорами и профессорами; их было человек тридцать. Наши коллеги без всяких предисловий начали так:

— Вы хотели с нами поговорить? Слушаем Вас внимательно и готовы ответить на все Ваши вопросы.

Вот мы и начали задавать вопросы, от которых самим потом стало и смешно, и неловко. Например:

— Что вы делаете, чтобы студенты не пропускали занятий, чтобы они лучше учились?

— Ничего. Они платят деньги за обучение и стараются за эти деньги получить как можно больше знаний.

— Дается ли вам специальное время на написание учебников?

— Нет. Мы учебники не пишем. Вы пишете их за нас и в других странах тоже. Пока учебник напишешь, пока его отпечатают, материал устареет. Лучше рекомендовать один из наиболее удачных учебников и дополнить его собственными лекциями.

Японские профессора дают ответы очень вежливо, но в подтексте их чувствуется: неужели это не понятно? И затаенный смешок. Беседа явно не получилась, разные взгляды, представления, усвоенные со школьных лет.

В тот же день к нам в отель приехали представители университета «Васедо» — частного, одного из лучших университетов Японии с приглашением посетить университет и осмотреть интересующие нас лаборатории. Было семь часов вечера, и мы невольно выразили сомнение, не поздно ли? «Нет, нет, не поздно, университет работает, и ректор вас ждет». Подъезжаем к университету, все здания освещены, везде народ. Университет действительно работает.

Небольшая беседа с ректором. Какие факультеты мы желаем осмотреть? Останавливаемся на химическом и механическом. После осмотра факультетов вернемся и продолжим беседу.

Входим в здание химического факультета, и кажется, что попали в музыкальную шкатулку. Играет музыка, не громко, скорее приглушенно, она успокаивает, не отвлекает от работы, не мешает думать, а наоборот, способствует думать и работать. Идем по помещениям факультета. Поражают чистота, свежий вид стен, окрашенных в легкие полутона — все успокаивает глаз, создает рабочий настрой. Уже вечер, около девяти, а все студенты работают, никто не мешает друг другу, не отвлекается.

К студентам иногда подходят такие же, как они, молодые люди. Иногда между ними проходит совсем краткий разговор, а иногда начинается тщательный просмотр записей. На нас мало кто обращает внимание. Мы — люди, только мешающие, только отвлекающие от работы, от процесса обучения.

Спрашиваю нашего ведущего:

— Молодые люди, которые помогают студентам, — это преподаватели?

— Нет, что Вы, — это аспиранты, они только учатся в свободное время, как надо преподавать.

— Сколько же они получают за свою работу?

Мой собеседник улыбается: «Нет, вы меня не поняли. Университет предоставил возможность им самим учиться методике преподавания, и за это они платят деньги университету: правда, это небольшая сумма».

После двухчасовой экскурсии вернулись к ректору. Он предлагает для начала подписать договор об обмене между университетами Васеда и МГУ. На год по одному преподавателю (желательно профессору) и по одному студенту старшего курса. Дорогу оплачивает посылающий университет, пребывание — принимающий университет. Мы понимаем, что это хорошо, больше — это победа, ничем не заслуженная, разве только одним именем Московского университета. Надо радоваться, а лица у советских делегатов напряженные, и понятно почему — такие соглашения можно подписывать только с разрешения Минвуза и по согласованию с партийными органами. Но я вижу в руках проректора университета Васеда подготовленные соглашения, протягиваю руку, беру русские экземпляры, внимательно прочитываю их и подписываю все. То же делает мой японский коллега. Обмениваемся подписанными соглашениями. Они войдут в силу, как только на них будут поставлены печати университетов.

Когда мы вернулись в отель, мои старшие «товарищи» начали меня прорабатывать:

— Как Вы могли сделать такой шаг, не запросив Москву? Не посоветовавшись с посольством? Могут быть большие неприятности!

Честно говоря, на сердце немного щемило, но ведь нельзя было упустить случай вступить в прямые контакты с одним из лучших японских университетов. И действительно, в Москве одобрили принятое мною решение.

Накануне отъезда из Москвы в Японию мне в Минвузе показали телеграмму из редакции газеты «Асахи», в которой содержалась просьба прочитать лекцию для президентов японских университетов на тему «Подготовка научных кадров в Советском Союзе». Я не думал над этой темой, не собирал материал и, естественно, сказал: «Не могу». На что последовал ответ: «Что хотите делайте, а просьба газеты «Асахи» должна быть выполнена». К счастью, вместе с нашей делегацией ехала японка — выпускница университета им. П. Лумумбы, окончившая университет по русскому языку. Она с удовольствием согласилась быть переводчицей.

Добирались мы сложно: самолетом до Хабаровска, поездом от Хабаровска до порта Находка и паромом от Находки до японского порта Иокогама (практически Токио). Всю дорогу в самолете, в поезде, на пароходе я писал текст лекции и написанные куски давал для перевода на японский язык. А потом мы добивались синхронности в моем выступлении и ее переводе. При приезде в Токио мне показалось, что лекция «получилась», но все же она меня сильно беспокоила.

Наступил день, когда была назначена моя лекция в зале заседаний газеты «Асахи» для японских ректоров, президентов университетов и сотрудников газеты. Большая аудитория амфитеатром. Когда мы прибыли туда с переводчицей, то оказалось, что я выступаю четвертым. Не помню темы предыдущих лекций, но первым должен был

выступить профессор из Англии, за ним из США, потом из Франции и завершающим я.

Пришлось попросить переводчицу не оставлять меня одного, так как я оказался бы совершенно беспомощным. Жарко. Солнце палит всюду, время приближается к четырем. Все окна открыты, но кондиционер отсутствует. В костюме, при галстукке. Дышать нечем. 16.05, 16.10 — все терпеливо ждут. Около 16.15 появляется Морито в сопровождении своей молоденькой жены. Краткий разговор между Морито и администратором. Последний поднимается на сцену и объявляет через микрофон: «По рекомендации уважаемого господина Морито порядок выступлений несколько изменен. Первым выступит проректор Московского университета профессор Сергеев. Далее порядок выступлений сохраняется».

Услышав это, моя переводчица срывается со своего места и бежит наверх в помещение для переводчиков, на ходу доставая из сумочки текст моей лекции. Меня просят на трибуну к усилителю. Лекция начинается. Говорю по-русски, а через наушники слушаю, когда кончается японский перевод, это происходит почти синхронно, продолжаю дальше.

От жары, от напряжения начинает болеть голова, хотя это у меня очень редко бывало. Дело подходит к концу. Встает и аплодирует Морито, за ним слушатели. Администратор преподносит мне цветы и подарок в коробке; переводчице — конверт с деньгами. Ей же я передаю свои цветы и прошу: «Скорее в ближайшую аптеку, очень болит голова». «Нет, нет, — отвечает она, рядом народный рынок, идем туда».

Действительно, рынок оказался недалеко. Около входа по обе стороны горели костры из больших плах, которые не столько горели, сколько дымили. Входящие и выходящие из крытого рынка старались, чтобы дым попадал на них. Многие при этом кланялись в знак благодарности. Моя помощница забрала у меня коробку и заставила меня подойти поближе к одному из костров и обеими руками нагонять на себя дым. Через несколько минут сказала: «Хватит, пойдёмте на рынок, там продаются интересные вещи». Зашли. Ряды маленьких лавочек. В одной из них купил для своих родителей два магнитных браслета, снижающих давление крови. (Это оказалось действительно так). Еще немного прошли, и вдруг я с удивлением обнаружил, что никакой головной боли у меня нет. Сказал об этом моей спутнице. Она улыбнулась и лишь кивнула головой: «Так и должно быть, а Вы мне, наверное, не верили. Это народная японская медицина». Не знаю, как сложилась жизнь у этой славной, приветливой девушки. Хотелось бы, чтобы хорошо. Газета «Асахи» подарила мне после лекции изящную эмалированную вазу, которая стоит у нас в квартире на видном месте и напоминает о моей первой публичной лекции в Японии.

На следующий год Морито посетил Московский университет, и я с удовольствием исполнял роль гида.

Так зародились почти сорок лет тому назад связи между Московским и японскими университетами. Первым, кто поехал из МГУ в Токио, был мой аспирант Юрий Борисович Осипов. Ныне он профессор, доктор, работает в Академии народного хозяйства при Российском правительстве.

На конференции в Токио были приняты в ассоциацию из советских университетов Киевский и Университет имени Патриса Лумумбы. Кроме того, тайным голосова-

нием был избран в Административный совет представитель Московского университета проректор Е.М. Сергеев. За одним столом на заседаниях постоянно находились люди различных национальностей, стран и вероисповеданий. Возникали дискуссии, но они всегда разрешались мирно.

Совет МАУ собирался довольно часто. Одно из его заседаний проходило в 1967 году в Париже; штаб-квартира МАУ находилась непосредственно в здании ЮНЕСКО. В состав Совета входил от США ректор крупнейшего Йельского университета доктор Бруствер.

Вначале у меня были наивные представления, суть которых заключалась в том, что если д-р Бруствер выступает с каким-то предложением и настаивает на его принятии, то это должно быть выгодно американцам и невыгодно социалистическим странам и поэтому мне надо привести доводы против этих предложений. Думаю, что не ошибусь, так же был настроен и д-р Бруствер. Было время «холодной» войны, поэтому, если Сергеев говорил «Да», то Бруствер старался найти аргументы для «Нет». «Грешил» также и я. Но через некоторое время эта «глупая игра», иначе ее не назовешь, прошла. И как ни странно, мы впервые это поняли, когда рассматривался вопрос о принятии в МАУ маленького университета (не помню названия), находящегося при католической церкви. Бруствер задал вопрос: «А библиотека есть при университете?» — «Конечно», — отвечали ему. «И сколько книг?» — «Двести». — «Что, двести тысяч?» — «Нет, двести книг». Бруствер вспыхнул: «Да у меня дома в шкафу в несколько раз больше! Университет без библиотеки — это не университет. Я против принятия его в МАУ». Я с удовольствием присоединился к его точке зрения. Как ни странно, но это был переломный момент в наших отношениях. Мы стали доверять друг другу. И затем мы как-то оба поняли, что есть общеуниверситетские интересы, и стали решать вопросы исходя из них. Забегая вперед, скажу, что на генеральную ассамблею МАУ в Москве Бруствер приехал, кажется, всей семьей (четыре или пять человек).

Подготовка V конференции в Монреале началась с обсуждения ее программы в специальном программном комитете в Париже.

Я предложил тему: «Мероприятия по дальнейшему объединению университетов мира». И я никак не ожидал бурного протеста со стороны представителя США, ректора Йельского университета д-ра Бруствера. Он горячо настаивал на формулировке «Выявление причин, разъединяющих университеты мира, и борьба с ними».

Программный комитет был небольшим — пять человек. До хрипоты мы спорили, потом пили чай или кофе, гуляли вокруг здания ЮНЕСКО. Снова садились за стол, и все повторялось снова. Истекли три дня, отведенные на обсуждение этого вопроса, и был объявлен перерыв в заседании комитета на месяц. Бруствер полетел к себе в Йельский университет, Сергеев — в Москву и на этом дело кончилось.

Через месяц собрались снова на три дня. Первым попросил слово для выступления Бруствер и заявил, что время дало возможность ему хорошо подумать и что он пришел к выводу, что прав профессор Сергеев. «В мире и так много причин, разъединяющих людей. Поэтому университеты должны способствовать их объединению, а не разъединению». Он полностью за мою формулировку и, если я не буду возражать, готов внести это предло-

жение в Административный совет ассоциации университетов от имени нас обоих. Я поблагодарил Бруствера и с этого момента у нас установились откровенные дружеские отношения. Единственно, что вызывало досаду, это то, что я не знал английского языка, а он — русского, и всегда кто-то третий должен был служить нам переводчиком.

Административный совет МАУ накануне V Генеральной ассамблеи заседал в городе Квебеке на берегу реки Св. Лаврентия, в замке, переделанном в отель. Сама река поражает своей мощью. Широкая набережная как бы обрамляет ее, сохраняя природную величавость. Народа на набережной мало, только те, кто живет в отеле или поблизости от него. Заседаний Административного совета по существу не было. На них в протоколах оформлялось то, о чем договаривались между собой во время прогулок по набережной.

Мне надо было решить довольно много «сложных» для того времени вопросов. Первое — пригласить провести VI Генеральную конференцию в Москве, но при этом надо было взять на себя ряд обязательств, таких, например, как: все желающие смогут участвовать в конференции независимо от того, в какой стране они проживают. Второе — добиться принятия в члены МАУ Берлинского университета имени Гумбольдта (в то время все организации ГДР подвергались международному бойкоту) и принять большую группу советских университетов в МАУ. Все эти задачи были успешно решены с помощью Бруствера, Сломана (Англия) и других членов Административного совета и секретариата ассоциации.

Провести конгресс в Москве было решено единогласно. Приглашение было сделано от имени Московского университета и встречено бурными аплодисментами. Такими же бурными аплодисментами была встречена предложенная тема конференции «Высшее образование на рубеже XXI века». Ответственным секретарем оргкомитета VI Генеральной конференции был утвержден я по предложению делегации Московского университета. В состав Административного совета на освободившееся место избрали проректора МГУ И.М. Тернова.

Вернувшись в Москву, мы создали небольшую орггруппу по подготовке к конгрессу и пригласили возглавить ее Георгия Александровича Бухвалова из иностранного отдела Минвуза СССР. По завершении конгресса он остался работать в университете в должности заместителя проректора.

Вспоминая работу, которую проводили представители Московского университета в МАУ, невольно удивляешься, как мы с ней могли справиться, одновременно уделяя большую часть времени университету. Выручала дружная работа и в частности помощь со стороны гуманитарных факультетов, учебно-методическую деятельность которых возглавлял тогда проректор Николай Иванович Мохов.

Первым проректором мне пришлось проработать девять лет. И кажется, эта должность безусловно полезна в крупном университете.

В январе 1973 года мы с женой вернулись из Кисловодска в Москву. Узнав, что ректор на работе, я поспешил его навестить, узнать, когда он уходит в отпуск и чем мне надо будет заниматься в ближайшее время. Вошел в маленький кабинет и был поражен больным видом его хозяина. Сумел подавить в себе это впечатление и только

спросил, когда и куда он собирается поехать отдохнуть. Иван Георгиевич рассказал о I Всесоюзном совещании работников высшей школы. На нем он собирался выступать в прениях и хотел показать текст своего выступления в ЦК Сергею Павловичу Трапезникову. «Сейчас еду к нему, — говорил Иван Георгиевич, — а от него в Барвиху, там и буду отдыхать. Но у Трапезникова я сейчас пробуду недолго. По дороге вернусь в кабинет за некоторыми вещами, расскажу Вам, чем надо заняться и больше меня до конца отпуска не ждите. Хорошо?» — Хорошо, Иван Георгиевич, будем Вас ждать до конца отпуска. — Посмеялись, Иван Георгиевич ушел, а ко мне зашли несколько товарищей и начался разговор о прелестях зимнего Кисловодска. Прошел час, другой. Вбегает в комнату помощница Ивана Георгиевича Татьяна Владимировна и говорит срывающимся голосом: «Сейчас позвонил Яков Егорович (его шофер) и сказал: “Ивана Георгиевича больше нет с нами”». Я тут же позвонил Трапезникову. Сергей Павлович отвечает: «Да, он только что был у меня, хорошее выступление написал на совещание. Недавно ушел. Не вижу причины волноваться. Но сейчас разберемся». Через десять минут: «К сожалению, десять минут тому назад скончался. Реанимировать не удалось. Пошлите кого-нибудь из проректоров к жене, лучше Ф.М. Волкова, пусть ее подготовит, а потом и самому Вам надо будет съездить». — «Да, конечно». Я позвонил Волкову. Он ответил: «Хорошо». Через час я поехал сам. Ольга Афанасьевна встречает как обычно и я сразу понял, что она ничего не знает, Волков не был. Пришлось мне самому сообщить ей печальное известие.

Траурная панихида состоялась в фойе Актового зала университета на Ленинских горах, захоронение на Новодевичьем кладбище. Помещения ректора в старом здании университета на проспекте Карла Маркса были превращены в «Музей И.Г. Петровского», куда были доставлены из квартиры его любимые книги. Иван Георгиевич был большой книголюб. До конца жизни Ольга Афанасьевна была директором музея. Хочется думать, что этот музей сохранится на долгие времена, по соседству (в этом же здании) с бесценными сокровищами «Музея редких книг МГУ». Его осматривали участники Генеральной конференции ректоров в 1975 году; он был открыт к началу работы Конференции. Особенно были поражены ученые-англичане. Большое впечатление произвело первое издание «Механики» Ньютона с авторскими пометками на полях. Наши английские коллеги предлагали назначить любую цену за эту книгу, но она бесценна и поэтому осталась в Московском университете.

Достойным преемником И.Г. Петровского в должности ректора Московского университета явился воспитанник Московского университета, лауреат Ленинской премии, член Президиума АН СССР, утвержденный в должности вице-президента АН СССР, академик Рэм Викторович Хохлов. Он принял активное участие в подготовке генеральной конференции МАУ в Москве.

Рэм Викторович внес новую струю в работу коллектива МГУ. Мне кажется, что самым главным было усиление взаимосвязи между научными исследованиями и крупными промышленными предприятиями, разработка научных проблем, имеющих большое народнохозяйственное значение, взаимосвязь между исследованиями Московского университета и медициной, расширение международных связей.

Рэм Викторович сразу подключился к организации Международного конгресса МАУ. Следует обратить внимание на одну структурную особенность ассоциации. Помимо отдельных университетов, являющихся членами МАУ, в ее состав входило восемь ассоциированных членов, среди которых семь объединяли университеты по территориальному, языковому или мировоззренческому принципу (католические университеты), восьмая ассоциация скорее напоминала клуб, поскольку объединялись не сами университеты, а только их руководители, ректоры и вице-канцлеры европейских университетов. При этом, естественно, студенты в КРЕ не входили.

Сам по себе вопрос об участии студентов в работе МАУ принимал все большую остроту. В 1965 г. большинство делегатов IV Генеральной конференции в Токио высказывались за привлечение студентов к управлению университетами. Английский делегат высказал точку зрения о невозможности ограничить деятельность студентов спортом и клубами и обязательном их привлечении в качестве наблюдателей и полноправных членов к управлению университетами. Однако эта точка зрения не была общей среди участников конференции. Так, представитель Бразильского католического университета, соглашаясь с участием студентов в управлении университетом, категорически возражал против их политической деятельности. Представитель Багдадского университета, наоборот, допускал политическую деятельность студентов, но возражал против их участия в решении академических вопросов.

Монреальская (V) Генеральная конференция рассматривала такие вопросы, как «Международное сотрудничество университетов» и «Университеты и нужды современного общества». По первому вопросу выступили представители Московского и Ленинградского университетов, а также Университета дружбы народов имени П. Лумумбы, по второму — Кишиневского университета. Казахский университет представил доклад на тему «Обмен студентами и улучшение информации между университетами».

Интересные доклады, посвященные таким важным в наше время проблемам, как социальный состав студентов, подбор преподавательских кадров и участие студентов в определении методов обучения и воспитания, представили руководители Казанского и Новосибирского университетов. Можно было ожидать, что эти вопросы будут и на VI Генеральной конференции в Москве и что она будет большим событием в жизни Ассоциации.

VI Генеральная Конференция МАУ проходила в Москве с 19 по 25 августа 1975 года и собрала самое большое количество участников за четверть века существования ассоциации — 775 делегатов и наблюдателей из 387 университетов 79 стран мира. Многие делегаты приехали со своими семьями, так что общее количество людей, имевших отношение к конференции, превышало 1000 человек.

В приветствии участникам VI Генеральной конференции Международной ассоциации университетов, направленном правительством Советского Союза в день открытия, подчеркивалось, что в наше время деятельность университетов становится все более значимой в экологической и социальной жизни каждой страны. Они осуществляют подготовку высококвалифицированных специалистов для всех отраслей материального производства и духовной жизни, вносят весомый вклад в развитие научно-технической революции.

Обращаясь с приветствием к участникам конференции, заместитель Генерального директора ЮНЕСКО доктор Джон Фобс сказал: «Ваша шестая Генеральная конференция проходит в год исторического Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором приняли участие 35 государств. В этом году также празднуется тридцатая годовщина окончания Второй мировой войны, самой опустошительной войны в истории человечества. За последние двенадцать месяцев состоялись международная конференция по проблеме населения, международная конференция по вопросу продовольствия, конференция Международного года женщин. В следующем месяце начнет свою работу специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Предстоят и другие крупные встречи. Мы все стали более отчетливо осознавать проблемы, требующие неотложного решения, несоответствия, приносящие страдание человечеству и становящиеся все более невыносимыми. ...Вы не только руководите процессами обучения в ваших университетах, вы служите человечеству в его стремлении к знаниям, направляете и контролируете работу преподавателей и студентов в ваших учебных заведениях и странах. На вас лежит особая ответственность за высшее образование на рубеже XXI столетия».

Основной докладчик по теме «Высшее образование на рубеже XXI века» академик Р.В. Хохлов подробно обрисовал структуру, цели и задачи советской высшей школы, перспективы ее развития: современная высшая школа, осуществляя базовое образование, не может дать своему выпускнику запас знаний, достаточный на всю его рабочую жизнь. В наше время и, в особенности, в будущем, за сорок–сорок пять лет, которыми измеряется средняя продолжительность активной рабочей жизни дипломированного специалиста, происходят значительные изменения в промышленности и в других сферах экономики. Это обстоятельство должно, во-первых, привести к перестройке самого базового учебного процесса со студентами. Во-вторых, должны быть развиты формы систематизированного пополнения знаний дипломированных специалистов. Обучение должно носить непрерывный характер и продолжаться всю трудовую жизнь. В-третьих, еще теснее должна стать связь между вузами и сферами народного хозяйства, для которых ведется подготовка кадров. В-четвертых, вузы должны охватывать своей деятельностью все более широкие слои населения, они должны развивать и удовлетворять духовные потребности народа. Эти основные положения доклада Р.В. Хохлова были развиты в выступлениях ректоров других университетов.

Высказывая свои взгляды относительно перспектив развития мирового высшего образования, на Генеральной конференции в Москве вице-канцлер Оксфордского университета профессор Дж. Хабаккук дал четкую концепцию отношения к проблеме высшего образования: «Если допустить, что университет станет все более дорогостоящим учреждением, то многое будет зависеть от предпочтения и желания государств поддерживать их. Эти факторы могут сильно различаться в зависимости от страны».

Доктор Э. Гурай (ректор Братиславского университета имени Я.А. Коменского) поставил вопрос об эффективности образования. По его мнению, материальные и духовные потребности человечества на рубеже XXI века требуют создания специальных дисциплин, которые не-

обходимо иметь в виду при перестройке обучения. Однако для их возникновения, развития и координации необходимо увеличить долю дисциплин, составляющих общеобразовательную базу. К ним относятся такие предметы, как философия, математика и кибернетика и т.п. Без них невозможно проникнуть в глубь специальных дисциплин, использовать их на пользу общества, а в этом и заключается эффективность образования.

Ректор Национального автономного университета в Мексике Гильермо Соберон в своем докладе «Научные исследования как важная функция деятельности университетов» обратил внимание на тот факт, что в наше время, в эпоху научно-технической революции, научно-исследовательская деятельность университетов стран «третьего мира» в значительной мере тормозится не из-за отсутствия необходимого научного потенциала, а, в первую очередь, по экономическим причинам: «Сложные политические факторы и экономическое положение на современном этапе поставили, однако, многие государства в прямую техническую зависимость, создавая, таким образом, особое неравенство в отношении государственной мощи и увеличивая различие между областями развития. Одной из причин этой зависимости является недостаточность возможностей научно-исследовательской работы. Даже те государства, где сейчас происходит сокращение исследовательской работы в университетах из-за непродуктивности, не могли бы достичь своего современного уровня развития без проведения ранее множества исследований. Положение еще очевидней в тех районах мира, где исследовательская деятельность едва начинается или не успевает угнаться за техническими потребностями. Эти районы вынуждены импортировать комплексы, которые не всегда отвечают их требованиям, планам или даже умственному складу и которые, естественно, затормаживают рост исследовательской деятельности». Надо только учесть, что это было сказано в 1975 году и за прошедшие 20 лет положение в Мексике и других странах могло измениться.

Может показаться странным, что канцлер Открытого университета Великобритании А. Кристоудлу признал в своем выступлении, что дискуссия на конференции «резко подчеркнула контраст между задачами образовательных систем в высокоразвитом плановом социалистическом обществе и целями самостоятельных, автономных систем образования западного мира». Об этом же говорил в своем выступлении и президент Пенсильванского университета Джон В. Освальд, объяснявший проблемы, связанные с трудоустройством выпускников вузов, «сложностями прогнозирования и развития экономики».

Таким образом, обсуждение вопросов, поставленных на конференции, не только касалось проблем образования, но и затрагивало социальную структуру общества. Причем все выступавшие отмечали дух взаимопонимания, царивший на конференции, явившейся первым крупным мероприятием после совещания в Хельсинки, которая продемонстрировала всему миру стремление разных стран к практическому осуществлению положений Заключительного акта Хельсинского совещания, относящихся к области высшего образования.

Впервые в истории Ассоциации вице-президентом МАУ был избран представитель социалистической страны — ректор МГУ академик Р.В. Хохлов, избрание которого на этот почетный пост не только явилось признанием его заслуг на поприще высшего образования, но и

означало уважение к нашей стране, к той плодотворной работе, которую проводили в Административном совете проректоры МГУ.

От имени членов Международной ассоциации университетов новый президент — ректор Монреальского университета профессор Роже Годри выступил с посланием благодарности, адресованным советскому правительству, в котором было особо подчеркнуто, что «...конференция имела возможность проводить свою работу в самых благоприятных условиях и в атмосфере дружбы, за что она глубоко обязана советским организаторам конференции. Столь эффективным вкладом в успех конференции советское правительство способствует делу мира и сотрудничества, в духе которого проходила работа МАУ с момента ее основания».

Руководство МАУ на заседании Административного совета в Париже высоко оценило значительный вклад, который Советский Союз вносит в деятельность Ассоциации.

Успех Московской генеральной конференции способствовал активизации деятельности советских вузов в Ассоциации. В ее «Бюллетень» были направлены материалы, отражающие различные аспекты развития высшего образования в нашей стране, международные связи советской высшей школы.

Конференция проходила в Колонном зале Дома Союзов с участием представителей правительства. Был устроен прием для участников конференции в Георгиевском зале Кремля. В университете был дан обед. Подавались старинные русские блюда. Потом прекрасный концерт студенческой самодеятельности из разных вузов страны. Вспоминается гигантский самовар в фойе актового зала. Любители чая подходили к нему неоднократно. Помимо чая, видимо, влекла их к нему и прехорошенькая «хозяйка» в сарафане и в кокошнике.

Можно с уверенностью сказать, что проведение VI Генеральной конференции МАУ на базе Московского университета явилось признанием его мирового значения. Я думаю, что для МГУ это главное.

После завершения конференции заместитель председателя Совмина СССР Мазуров сказал мне: «А ведь в правительстве не думали, что у Вас все так хорошо получится. Спасибо за все, что было сделано». Мне пришлось сознаться, что нам не удалось решить вопрос организации КРЕ в Конференцию европейских университетов. Мазуров ответил: «Не сразу все получается. Значит, еще не все осознали преимущества КРЕ как части МАУ, а не клуба ректоров». Он был прав, но обидно, что все сорвалось в последний момент по нашей вине, точнее по вине отдельных работников Минвуза СССР.

Положение изменилось после проведения Генеральной конференции университетов в Москве в 1975 году. Руководители КРЕ поняли, что по широте охвата университетов МАУ и КРЕ несопоставимы, что по существу КРЕ является в лучшем случае региональной ассоциацией Европы и что для завоевания части авторитета МАУ наиболее видные руководители КРЕ должны войти в Совет МАУ.

Среди руководителей МАУ и КРЕ были сторонники и противники объединения. Я относился к числу первых. Мне думалось: чем больше университетов будет объединено под одной идеологической и методологической крышей, тем успешнее будут они работать. Ведь университеты разных стран — членов НАТО и стран Варшавского договора входили в МАУ, и это не мешало нам работать.

Нельзя также забывать о том, что в Европе наряду с ассоциациями учебных заведений существуют и активно работают международные ассоциации по отдельным научным направлениям. Например, «Международная ассоциация по инженерной геологии» (МАИГ). МАИГ имеет свой журнал, регулярно проводит международные симпозиумы и конференции, где обсуждаются научные проблемы, интересующие ученых, работающих в странах, находящихся не только в различных политических блоках, но и даже на различных континентах.

Я был членом совета МАИГ, президентом МАИГ с 1978 до 1982 г., т.е. захватил еще «прохладный» период между странами НАТО и Варшавского договора и по собственному опыту знаю, как трудно бывает решить проблемы, интересующие ученых Запада и Востока. И насколько все упрощается, когда организация научных мероприятий происходит под «единой крышей». Примером могут служить международные геологические конгрессы. Наоборот, сколько ненужных трудностей возникало, когда одновременно пытались координировать работу университетов две не связанные между собой организации: КРЕ и МАУ.

15–16 октября 1974 года я встретился в Болонье с президентом КРЕ Л. Райзером (ФРГ) для выполнения поручения рабочей группы, созданной по этой проблеме МАУ. Прежде всего я предложил решать вопросы поэтапно, вначале обсудить вопрос о том, какой должна быть Ассоциация, разработать ее устав, а затем, когда этот вопрос будет согласован, обсудить организационные мероприятия по созданию самой Ассоциации. Карапчини (Италия) и Райзер дали на это согласие. За основу при обсуждении был положен проект устава, привезенный мною и потому получивший название «проект Сергеева». После двухдневного обсуждения он был полностью согласован между тремя участниками совещания.

Подводя итоги нашей встречи, которая была весьма напряженной как по накалу страстей, так и по продолжительности (дискуссии нередко оканчивались за полночь), Райзер под общий смех спросил: «Профессор Сергеев, Вы в спорах все нам уступали. Так где же Ваши уступки, профессор Сергеев?»

Так, я убедился на практике, что даже в политически неблагоприятное время, когда во всех сферах международной жизни господствовал дух конфронтации, можно было достичь того, что сейчас часто называют модным словом «консенсус». Но Минвуз потребовал от членов КРЕ, чтобы они наравне с другими университетами подавали заявления о своем желании работать в КРЕ. Этим все соглашения были перечеркнуты.

Прошли годы. Наступили новые времена. В комитет по народному образованию, сменивший Минвуз, пришли новые, неординарно мыслящие люди. Сегодня полноправными членами КРЕ являются Казанский и Ленинградский университеты, Университет имени Баумана, Московский университет. Идет работа по совершенствованию деятельности европейских университетов. КРЕ, как и другие региональные объединения, дает материалы МАУ для общего прогноза развития высшей школы в XXI веке.

Можно думать, что объединение европейских университетов могло произойти и раньше, а эффективность всей работы МАУ была бы большей, если бы не трагическая смерть Рэма Викторовича Хохлова. Всеми нами уважаемый и любимый ректор Рэм Викторович Хохлов траги-

чески погиб на Памире при альпинистском восхождении на пик Коммунизма. Вместо него на территории университета появилась «улица Хохлова» — плохое утешение. Я уверен, что будучи вице-президентом МАУ, а затем (так нам хотелось) президентом, Р.В. Хохлов смог бы нацелить университеты на такие научные проблемы, которые до сих пор у нас считаются неразрешимыми.

VI генеральная конференция МАУ — это славная, но, к сожалению, забытая страница в истории Московского университета, которая у многих ученых других стран коренным образом изменила представление о Советском Союзе, сложившееся во время «холодной войны». Все на этом и закончилось, а сколько было приложено усилий к осуществлению единства науки.

Вскоре в МГУ ректором был назначен академик Анатолий Алексеевич Логунов, первым проректором — Виктор Антонович Садовничий. Мне же Правительство доверило руководить Академией народного хозяйства при Совете министров СССР. Работа оказалась очень сложной, так как приезжали повышать квалификацию и обучаться на более длительные сроки люди с определенными, установившимися взглядами, с тем, чтобы потом занять еще более высокую административную должность.

Глава 27. **Нечерноземная экспедиция МГУ.** **Работа в АН СССР**

Выше уже говорилось, что Р.В. Хохлов как ректор всегда активно поддерживал научные проблемы, имеющие народнохозяйственное значение. Мне хочется подтвердить это на примере темы комплексных исследований Нечерноземной зоны России, научным руководителем которой я был в течение ряда лет.

В начале 1976 года меня пригласил к себе министр геологии РСФСР Лев Иванович Ровнин, предупредив, что ему хочется поговорить о комплексном картировании Нечерноземья России. При встрече выяснилось, что у руководства Мингео РСФСР и ученых МГУ нет никаких противоречий как по оценке самой территории Нечерноземья, так и по основным положениям программы будущих работ. Вот как мы об этом думали.

С точки зрения организации экспедиционных работ было неудобно охватывать ими Калининградскую область, отделенную от других частей РСФСР прибалтийскими республиками, и горные сооружения Урала, которые потребовали бы много времени, несмотря на свою сравнительно небольшую территорию. И главное: профиль народнохозяйственного использования Урала был другой по сравнению с основной частью территории Русской платформы. На ней мы и решили в первую очередь сосредоточить комплексные исследования, имея в виду, что они должны рассматриваться как первоочередные.

Нечерноземье — это огромная территория, протянувшаяся от берегов Северного Ледовитого океана на севере до лесостепной зоны на юге, от Балтийского моря на западе до Западной Сибири на востоке. Здесь возникло Русское государство. К моменту начала наших работ на ее территории находилось 29 областей и автономных республик с населением 59 млн человек. Общая площадь изучаемой территории составляла 2,7 млн кв. км. Это соответствует площади восьми крупнейших капиталистических стран Европы вместе взятых: Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Испании, Португалии, Швеции и Норвегии.

Значительная часть территории Нечерноземья РСФСР занята сельскохозяйственными угодьями (520 тыс. кв. км), из которых 320 тыс. кв. км или 32 млн гектаров — пашня. Долгое время по ряду причин средняя урожайность зерновых на этих площадях оставалась низкой, около 13 центнеров с гектара.

Нельзя также забывать, что на территории Нечерноземья находятся столица нашей Родины Москва, Ленинград, Горький и другие крупные промышленные города, что на ее территории в больших масштабах происходит строительство трубопроводов, дорог, линий электропередачи, что здесь в больших масштабах добываются нефть, уголь и другие полезные ископаемые, что здесь были построены крупнейшие водохранилища и каналы, изменившие экологическую обстановку.

Казалось бы, что при таком интенсивном инженерно-хозяйственном освоении территории Нечерноземья она должна быть всесторонне и хорошо изучена во всех отношениях, тем более что Нечерноземье весьма неоднородно по рельефу, климату, почвам и геологическому строению.

Действительно, под отдельные объекты проводились детальные изыскания и на всю территорию Нечерноземья существуют геологические, почвенные и физико-географические карты, но они не дают необходимой информации для плановых и проектных организаций для решения тех задач, которые возникают при народнохозяйственном освоении региона. Но к началу 70-х годов сложилось парадоксальное положение — центр Российской Федерации оказался значительно хуже изучен в инженерно-геологическом, гидрогеологическом и других отношениях по сравнению с другими ее регионами, например Западной Сибирью. Для Нечерноземья отсутствовали обзорные карты, по которым можно было бы охарактеризовать изменения и общие закономерности его территории в отношении природных факторов, определяющих условия мелиорации и других видов строительства.

Известно, что решение, принятое на первой стадии проектирования, является наиболее принципиальным. Все остальные изыскания могут его лишь детализировать. Вот почему так важно иметь обзорные карты на всю территорию Нечерноземья. Подобно тому, как из космоса мы видим по-новому Землю и можем понять то, что нельзя установить, находясь на ней, на обзорной карте можно увидеть общие закономерности, которые нельзя подметить, работая на отдельных участках или проводя изыскания уже по выбранной трассе.

Для больших территорий, таких как Нечерноземье, удобным является масштаб 1:1 500 000. При таком масштабе видны общие закономерности и могут быть детально проработаны отдельные проблемы. Например, составленная под руководством проф. Ф.Р. Зейделя карта почвенно-мелиоративного районирования дает возможность выбрать способ мелиорации и показывает факторы, ее осложняющие, для сравнительно небольших площадей, а карта инженерно-геологических условий вместила в себя информацию восьми вспомогательных карт и может дать ответ на многие вопросы, интересующие строителей и проектировщиков.

Хорошо понимая трудную обстановку, которая сложилась с обеспечением необходимой геологической документацией территории Нечерноземья, министр геологии РСФСР Л.И. Ровнин обратился к геологам Московского университета с предложением составить в кратчайший

срок, за 4 года серию обобщающих и специальных карт масштаба 1:1 500 000 на указанную часть Нечерноземья. Такая же потребность возникла и в Минводхозе СССР.

Совершенно ясно вырисовалась необходимость создания в Московском университете новой комплексной межкафедральной темы, комиссия по которой и была утверждена приказом ректора. Для выполнения комплексных исследований по Нечерноземью, сущность которых заключалась в выяснении закономерностей геологических, почвенных и других природных условий этой территории на основе составления новой серии специализированных карт, объединились ученые геологического, почвенного и географического факультетов. В программу работ было включено составление 16 карт масштаба 1:1 500 000 и написание к ним отчета.

Мы хорошо понимали, что выполнить такую огромную работу для территории в 2,7 млн кв. км за четыре года можно только при двух обязательных условиях: первое — если Московский университет сумеет объединить вокруг себя все заинтересованные организации и будет осуществлять научно-методическое руководство их деятельностью и второе — если будут рационально использованы все накопленные материалы для территории Нечерноземья, рассеянные по фондам организаций разных ведомств.

Удалось объединить вокруг Московского университета 18 организаций, принадлежащих к системе Минвуза СССР и РСФСР, Мингео СССР и РСФСР, АН СССР и других ведомств. Авторский коллектив состоял из 196 человек, а принимали участие в работах значительно больше людей. Среди авторов 96 человек сотрудников Московского университета. Следует также указать, что в работах участвовало 137 студентов нашего университета, многие из которых при этом выполняли свои курсовые и дипломные работы.

В процессе работы был охвачен огромный фондовый материал: различные крупномасштабные карты, аэрофотоснимки и аэрофотосхемы, космические снимки, данные о составе и свойствах горных пород и почв, данные об урожайности почв, данные метеостанций и многие другие.

В качестве примера можно указать, что при составлении карты изменения геологической среды в связи с разработкой месторождений полезных ископаемых (проф. Г.А. Голдовская и др.) были использованы материалы по 2040 месторождениям твердых полезных ископаемых, отработываемых карьерами и шахтами, нефти, газа, минеральных вод, разрабатываемых с помощью скважин.

Для того чтобы составить карту сельскохозяйственного использования земельных угодий (проф. А.Н. Ракитников и др.), понадобилось проанализировать данные около 10 тысяч сельскохозяйственных предприятий. И все же ограничиться одними фондовыми материалами было нельзя. В 1977–1980 годах под руководством Г.М. Терешкова работала комплексная Нечерноземная экспедиция МГУ, полевые партии которой были разбросаны от Ледовитого океана и Кольского полуострова до Москвы и Владимира.

Наряду с нашей экспедицией полевые работы проводились территориальными геологическими управлениями и другими организациями. Экспедиционные работы проводились с целью увязать между собой отдельные разрозненные материалы, провести ревизию старых представлений и собственными исследованиями «закрывать» белые пятна, которые оставались после обобщения фондовых материалов.

Наши экспедиции явились также хорошей школой для студентов и аспирантов геологического, почвенного и географического факультетов. Большое значение имеет то обстоятельство, что на базе Московского университета систематически проводились семинары для всех участников работ, в том числе и иногородних. В процессе сбора материала и составления карт большинство их авторов поддерживали постоянные контакты между собой. Все это способствовало тому, что новая серия обзорных карт Нечерноземья представляет собой единое целое.

Хоздоговорные работы, а как раз они явились «ядром» проводимых исследований, были закончены в срок и с отличной оценкой сданы заказчику — организациям Мингео РСФСР и Минводхозу СССР.

Такова формальная сторона дела, хотя она немаловажна. Но еще более важным является вопрос о том, какие же научные выводы вытекают из проведенных исследований, из полученных итоговых документов и каково их практическое значение.

Ответить полностью на этот вопрос сейчас вряд ли еще удастся. Это потребует контрольных исследований использования полученных материалов. Но некоторые научные положения, которые стали ясны в процессе выполнения работ и которые вытекают из составленных карт, можно сформулировать сегодня.

Известно, что рельеф, особенности геологического строения поверхностной толщи Земли и ряд других природных факторов сформировались за последние 30 млн лет, как говорят геологи, «в новейшее время». При этом большое значение имеют интенсивность и направленность тектонических движений земной коры, происходивших в это время, — неотектоника.

Достаточно подробных и обобщенных данных по неотектонике Нечерноземья не существовало, не была изучена связь неотектоники с древним и современным рельефом. Все это было выполнено в процессе составления карты геоморфолого-неотектонического районирования территории (проф. Н.И. Николаев, В.И. Бабак). При этом было сделано много интересных выводов.

Очень важно, что на территории Нечерноземья были установлены многочисленные тектонические нарушения: глубокие региональные швы, поверхностные разрывы, зоны повышенной трещиноватости. Анализ этих элементов отчетливо показывает блоковое строение Нечерноземной зоны, причем блоки эти имеют дифференцированное движение. Оказалось, что территория, традиционно считавшаяся спокойной в тектоническом плане, активно живет за счет движения блоков по новейшим разрывным нарушениям (зоны пониженной прочности горных пород, увеличение проницаемости пород, глубинный газо- и водообмен, активная взаимосвязь поверхностных и подземных вод, увеличение теплового потока и другие процессы).

Представление о блоковом строении территории Нечерноземья и ее современной тектонической активности позволяет по-новому понять и оценить гидрогеологические и инженерно-геологические условия, без чего, в свою очередь, невозможно понять закономерности распространения почвенного покрова и многие другие вопросы.

Естественно, что возникла необходимость установить зависимость распространения почв от всех факторов: биоклиматических и литолого-геоморфологических. С этой целью на карте почвенно-географического районирования Нечерноземья (Г.В. Добровольский) были впер-

вые в пределах провинций выделены типологические почвенные округа. Для Нечерноземья их выделено 40. Это значит, что в среднем их площадь приближается к 70 тыс. кв. км. То есть площадь отдельных почвенных округов значительно больше площади таких стран Европы, как Албания, Бельгия, Дания, Нидерланды, Швейцария. Почвенные округа — это крупные территории, отличающиеся друг от друга по своему почвенному покрову, и поэтому ведение сельского хозяйства должно строиться с учетом их особенностей. Вот главный вывод, который вытекает из новой карты почвенно-географического районирования. За разработку этой темы Г.В. Добровольский был удостоен Ломоносовской премии МГУ.

Среди различных инженерных сооружений особая роль принадлежит городам, где к концу XX века предположительно будет жить больше половины населения планеты. Город — это территория, где воздействие человека на поверхностную часть литосферы наиболее интенсивно и разнообразно. Особенно это относится к крупным городам, которых немало на территории Нечерноземья России.

Был сделан очень важный вывод общего характера, что изменение геологической среды при градостроительстве зависит от ее особенностей и характера воздействия человека. Не буду утомлять читателей рядом принципиальных выводов инженерно-геологического, гидрогеологического, криогеологического и экологического характера. Они подробно изложены в большой монографии «Почвенно-геологические условия Нечерноземья», изданной в 1984 г. издательством Московского университета.

Мне как научному руководителю всех комплексных исследований по Нечерноземью по просьбе ректора Московского университета академика А.А. Логунова пришлось выступить с докладом на Ломоносовских чтениях, проходивших в Доме культуры МГУ. При этом все составленные карты были вывешены для всеобщего обозрения в фойе Дома культуры. Все выступавшие положительно оценили выполненную работу. Я бы сказал, что в МГУ работа получила достойное завершение. К сожалению, к ней безразлично отнеслись тогда в правительстве страны.

В 1966 году прошли очередные выборы академиков и членов-корреспондентов АН СССР. Среди вакансий была одна — по гидрогеологии. Я никогда не считал себя беспорным кандидатом на эту вакансию, так как вопросами гидрогеологии мне приходилось заниматься только в связи с проблемами инженерно-геологического плана. Например, взаимодействие поровой воды с минеральными частицами (этому была посвящена моя кандидатская диссертация в 1944 году) или оценка роли подземных вод при характеристике инженерно-геологических условий территории будущего строительства. Но мои товарищи считали, что я должен подать документы на гидрогеологическую вакансию и что при избрании меня на эту вакансию возрастут связи между гидрогеологией и инженерной геологией, что сыграет положительную роль для дальнейшего развития этих двух научных направлений. Я подал необходимые документы, но считал, что шансы мои на избрание невелики. Даже не стал говорить ничего об этом своим родителям.

В день голосования в Академии наук мне надо было отвезти родителей в подмосковный дом отдыха, что я и сделал. Вернувшись домой, узнал о своем избрании и получил приглашение по этому поводу на банкет. Очень захотелось порадовать своих стариков и прежде чем ехать в Академию, поехал к ним.

Отец спрашивает: «Зачем вернулся?»

— Хочу порадовать вас, выбрали членом-корреспондентом в Академию наук.

— Не валяй дурака. Об этом и разговора не было.

— Тогда прочитай этот пригласительный билет на банкет.

— Ну, молодец. Спасибо, что раньше не говорил, мы действительно с мамой волновались бы. А теперь будем волноваться, что можешь опоздать на ужин. Поезжай!

На следующий день меня пригласил к себе опять наш академик-секретарь А.П. Виноградов. «Поздравляю, но ведь в Академии работать надо». — «Думаю организовать с Вашего разрешения при отделении Совет по инженерной геологии». — «Это очень узко». — «Можно и даже нужно добавить и грунтоведению». — «Вот это хорошо, это подойдет, только не тяните, действуйте».

При Академии наук существовали небольшие комиссии по карстоведению, спелеологии, селевая и другие. Всех мы объединили в новую комиссию по инженерной геологии, введя в нее дополнительно известных специалистов, работающих в этой области в вузах, НИИ, Госстрое, ВСЕГИНГЕО и других организациях не только Москвы, но и Ленинграда, Ростова-на-Дону и в других городах.

Когда вице-президентом АН СССР стал А.В. Сидоренко, по его просьбе мы расширили действие нашей комиссии и она стала называться Комиссией по инженерной геологии и гидрогеологии АН СССР. Первым ученым секретарем при создании этой комиссии был В.И. Осипов. Потом его сменила В.С. Шибаква и проработала в этой должности до ухода на пенсию.

Несмотря на то, что прибавилась работа еще по Академии, решать многие вопросы стало легче — помогала приставка «член-корреспондент АН СССР» на бумагах, направляемых как внутри страны, так и в другие страны.

15 марта 1979 года меня избрали действительным членом (академиком) АН СССР. Думаю, что этому помогло также удачное проведение VI Генеральной конференции в Москве с 19 по 25 августа 1975 года.

Много времени и энергии пришлось мне затратить, добываясь открытия нового научного журнала «Инженерная геология» при АН СССР. Наконец, «директивные органы», как тогда говорили, дали свое «добро» и вопрос был решен. Когда я держал в руках первый номер отпечатанного журнала за 1979 год, то невольно подумал, только ради одного этого — нового академического журнала — стоило жить и бороться. Подписчиков оказалось много, и журнал не был убыточным. Мы печатали в нем статьи по всем разделам инженерной геологии, по гидрогеологии и геокриологии, геофизике и другим наукам, если они контактировали с инженерной геологией. Журнал нашел подписчиков и за рубежом, но в сравнительно небольшом количестве.

Ответственным редактором журнала был утвержден инициатор его создания, а членами редколлегии — крупнейшие ученые из различных организаций и городов. Когда недавно Президиум РАН пересматривал список академических журналов, наш журнал был переименован в журнал «Геоэкология» с тремя самостоятельными разделами: «инженерная геология», «гидрогеология», «геокриология». Я остался членом редколлегии, а главным редактором стал инициатор такой перестройки академик Виктор Иванович Осипов. Совместная работа этих трех близких между собой наук — не новость. Ведь в 1989 году состоялся I Всесоюзный съезд инженеров-геологов,

гидрогеологов, геокриологов. Его проводили АН СССР и АН УССР. Тематика съезда — «Проблемы инженерной геологии, гидрогеологии и геокриологии районов интенсивной инженерной нагрузки и охрана геологической среды». В работе съезда приняли участие 1253 специалиста из 332 организаций 31 министерства и ведомства страны, расположенных в 155 городах и союзных республиках. В подготовке съезда я принимал некоторое участие, но потом болезнь сердца не позволила мне на нем присутствовать. МГУ был достойно представлен в оргкомитете В.Т. Трофимовым, В.М. Шестаковым, Г.А. Голодковской, С.Д. Воронкевичем и Н.Н. Романовским. Но события последних лет в стране невольно осложняют проведение в жизнь принятых решений.

Глава 28. Академия народного хозяйства при Совете Министров СССР

Мне было известно от А.В. Сидоренко, что академик Н.В. Мельников выступил с проектом создания Академии народного хозяйства при Совете министров СССР. Задача этой Академии — подготовка и повышение квалификации руководящих кадров, работающих, главным образом, в промышленности и на транспорте. Мысль, с моей точки зрения, правильная, потому что многие руководители выдвигались на руководящие должности за хорошую работу на партийной или какой-либо другой общественной работе без знания экономики, специфики управленческих дисциплин, взаимосвязи в самом народном хозяйстве и других вопросов, которые хорошо должен знать любой руководитель.

Такая Академия была создана в середине 70-х годов с двумя видами обучения: 2-летний срок обучения для лиц, которые намечаются на выдвижение на должности республиканских министров и их заместителей, начальников главков, директоров крупных заводов, и 6-месячный срок для лиц, которые занимают эти должности, но хотят сами (или хотя бы их руководители) повысить свои знания в области управления.

ЦК партии придавало этому мероприятию большое значение. Аппарат многочисленных отделов ЦК партии держал все это (и организацию работы Академии, и посылаемых в нее слушателей) под контролем. Н.В. Мельникову удалось построить для Академии в районе станции метро «Юго-Западная» 5-этажный корпус и при нем общежитие со столовой. Академия начала свою работу. Рядом выстроили несколько больших корпусов для Академии общественных наук ЦК КПСС. На их фоне АНХ Совмина СССР казалась «игрушкой». Интересно, что ректор Академии общественных наук неоднократно посещал АНХ, но никогда не приглашал работников и руководителей АНХ к себе, в Академию общественных наук. Наши сотрудники и слушатели утверждали, что это потому, что там все очень шикарно, и при сравнении трудно будет объяснить, почему так получается.

Все, что я написал, стало мне известно, когда я стал ректором АНХ. А до этого я только знал, что появилась у Совмина такая Академия, которая располагается рядом с Академией общественных наук ЦК КПСС на юго-западе и что ректором ее и инициатором создания был Н.В. Мельников. Неожиданно академик Мельников скончался, и я теперь понимаю почему: должность ректора АНХ оказалась ему уже не по годам, не под силу. Появилась необходимость в

новом ректоре, который был бы тоже академиком и хорошо знал учебный процесс в высшей школе. Обоим этим требованиям моя кандидатура отвечала.

Меня пригласил к себе сначала зам. зав. отделом науки и вузов ЦК КПСС Сергей Георгиевич Щербаков, потом С.К. Трапезников, возглавлявший отдел науки и вузов ЦК партии.

Отказаться грубо и решительно я не мог. Решил ответить так: «Спасибо за доверие, которое оказывает мне ЦК, постараюсь осваивать это новое поручение, но у меня есть своя просьба. Решением ЦК и Совмина (поскольку я становлюсь их номенклатурой) разрешить мне продолжать по совместительству работу в МГУ на должности зав. кафедрой грунтоведения и инженерной геологии, на кафедре, которая была создана мною в 1954 году в новом здании университета на Ленинских горах». С.П. Трапезников сказал: «Это хорошо, связь с МГУ порывать не надо», — и обращаясь к присутствующим, — «оформите это через Минвуз и Совмин».

Утверждали меня в должности ректора АНХ на заседании оргбюро, которое вел Кириленко и на заседании которого в качестве члена оргбюро присутствовал секретарь ЦК по сельскому хозяйству М.С. Горбачев, пожелавший мне успешной работы.

Смена руководства быстро стала известной, заволновались мои друзья, приуныла на кафедре часть сотрудников. На улице у входа в университет, со стороны клубной части, встретил я Клавдию Васильевну Топчиеву, которая с упреком бросила мне: «Евгений Михайлович, да как же ты мог покинуть Московский университет? Прямо не верится». — «Да ведь я буду по совместительству заведовать кафедрой». — «Сам понимаешь, что это всего лишь ничего по сравнению с тем, что ты делал в университете. Создал единственный в мире факультет почвоведения и после этого уходишь!» — «Клавдия Васильевна, мы с тобой давно дружим и ты должна понять, что иначе поступить я не мог».

А через некоторое время мы провожали в последний путь Клавдию Васильевну, у нее оказался неизлечимый рак. Жаль было, очень жаль, что рано ушла она из жизни.

Работа ректором АНХ при Совмине СССР была должностью почетной, но весьма хлопотливой и ответственной. Началось с того, что постановлением Совмина СССР из Академии в ближайшее время должны были отобрать большую часть автотранспорта. В этом случае налаженная работа была бы фактически сорвана. Я попросился на прием к Михаилу Сергеевичу Смиртюкову (управляющий делами Совмина СССР), рассказал ему всю обстановку и просил не отбирать в АНХ автотранспорт, а наоборот, довести его до необходимого количества в соответствии с ранее поданными заявками.

Я был очень рад, когда услышал слова Михаила Сергеевича, неизвестно кому сказанные в телефон: «Слушай, Вы хотите навести порядок со служебным транспортом. Это хорошо, но не трогайте АНХ: эта Академия еле дышит, ей наоборот помогать в работе надо и удовлетворить все их просьбы. Ты меня понял? Будь здоров и доложи, что выполнил мое указание».

Я был очень удивлен такому быстрому и простому решению вопроса. А Смиртюков, посмеиваясь, говорит: «Будут у Вас выпускные собрания — меня не забывайте приглашать». Это, конечно, мы не забывали.

Через 2–3 года ректорства у меня состоялась первая встреча с новым председателем Совета министров Нико-

лаем Ивановичем Рыжковым. В отличие от своего предшественника Н.А. Тихонова, которому я тоже докладывал о работе АНХ, он проявил большую заинтересованность в ее деятельности. А может быть, я был хорошо к этому разговору подготовлен. Во-первых, я доложил Николаю Ивановичу, что мы провели за последние годы большую работу по повышению квалификации министров наших союзных стран, и не по своей инициативе, а по их просьбам. У нас прошли краткосрочное обучение все министры Монгольской Народной Республики и, скажем несколько осторожнее, большинство министров Болгарии, Чехословакии и Польши, многие — из ГДР и Венгрии. Не удалось установить контакты с Румынским правительством, хотя я сам ездил в Румынию и получил заверение на «высоком» уровне, что слушатели от Румынии обязательно будут.

Дальше я привел Николаю Ивановичу цифры, из которых следовало, что то, что мы делаем для своих руководителей народного хозяйства, — это капля в море, что надо создавать филиалы АНХ Совмина СССР и в других городах. Ему эта мысль очень понравилась.

— Так приступайте, действуйте, — говорит Николай Иванович. — Поезжайте в обкомы партии, с ними сначала обо всем договоритесь, а потом уж мы будем решать.

— Хорошо, Николай Иванович, сейчас я постараюсь это сделать, а раньше не мог.

— Почему?

— Потому что в АНХ не было проректора по учебной работе, первый проректор этот участок не обеспечил, приходилось самому ректору заниматься учебной работой. А сейчас из Мингео на должность проректора по учебной части пришел хороший ученый и организатор Николай Павлович Лаверов, член-корреспондент АН СССР (теперь академик РАН. — Е.С.). На него я могу оставлять Академию.

— Мне нравится, что Вы берете в Академию крупных ученых.

— Могу Вам доложить, что на должность заведующего одной из кафедр я пригласил доктора наук, профессора Осипова Юрия Борисовича, своего ученика из МГУ, своего бывшего аспиранта.

— Полностью поддерживаю Вашу линию. Только не тяните.

Да, хочешь поскорее, а не получается. Должность ректора АНХ тянет за собой ряд других обязанностей. В 1981–1984 гг. я был депутатом Московского городского совета. Честно говоря, это было хорошо для Академии. Мне большого труда стоило за 5 лет удвоить учебную площадь Академии, построив второй учебный корпус, и оснастить его современным научным оборудованием, получить 50 квартир в Олимпийской деревне для слушателей, приезжающих с семьями на срок два года. Наше академическое, ранее построенное общежитие не предусматривало возможного приезда слушателя с семьей.

В какой-то степени, наверное, мне помогло решить эти трудные вопросы и то, что в 1980 году мне и ряду ведущих ученых была присуждена Ленинская премия в области науки и техники за монографию «Инженерная геология СССР» в восьми томах. Это обстоятельство оказало моральное давление на московских строителей. Надо было выбрать время, чтобы в 1982 году слетать в Индию и сдать полномочия президента МАИГ на очередном конгрессе этой организации. Заседания пленума ВАКа при Совмине СССР с 1982 по 1992 год тоже немало отнимали

времени. Нельзя было совсем забросить свою науку — инженерную геологию, ведь я был главным редактором 4-томного издания «Теоретические основы инженерной геологии». Я выступал на первом пленарном заседании XXXVII Международного геологического конгресса, проходившего в Москве, с докладом о роли инженерной геологии в экологическом плане.

Сердце и не выдержало. Пошли больница за больницей. Выходишь из больницы — вроде ничего, а через месяц-два опять плохо себя чувствуешь...

И, несмотря на то что в 1984 году я был награжден вторым орденом Ленина в связи с 70-летием, начал добиваться освобождения от работы в должности ректора Академии. Окончательно этот вопрос поручили решить М.Б. Зимянину, который некоторое время был одним из секретарей ЦК КПСС. После долгой и очень спокойной беседы он дал свое «добро». В 1989 году я вернулся в университет на свою кафедру, которую мы решили переименовать в «кафедру инженерной геологии и охраны геологической среды».

По возрастному цензу мне уже заведовать кафедрой было нельзя, и Анатолий Алексеевич Логунов предложил должность советника при ректоре Московского университета. В этой должности я продолжаю работать и в настоящее время. Новый ректор Московского университета Виктор Антонович Садовничий поддержал это предложение. На 3 ноября 1993 года я продолжаю оставаться советником ректора МГУ.

Заключение. Мои ученики

Рассматривая общий фон работы Московского университета и своей собственной деятельности, я преследовал несколько целей. Во-первых, еще раз привлечь внимание читателей к своей любимой Alma Mater МГУ, которая должна быть одним из источников пополнения Российской Академии наук научными кадрами и не только ее. Во-вторых, хотелось показать, что подготовить полноценных научных сотрудников сейчас совсем не просто. В-третьих, донести до читателя идею, что в наше время, а тем более в будущем, новое поколение ученых должно знать больше и лучше уметь организовать свою работу, чем их учителя. Ничего плохого в том нет. Ученики должны сами превращаться в учителей и в конце концов становиться выше своих учителей по уровню своих знаний.

Я уверен, что ряд моих работ стоит выше большинства работ моих учителей, но я также убежден в том, что ряд работ моих учеников стоит выше моих собственных, и могу только гордиться этим, но уж никак не сокрушаться, что я не сам это сделал.

Для того чтобы не быть голословным, хочу хотя бы кратко охарактеризовать тех, которых имею формальное право назвать «своими учениками», раз они решили на авторефератах своих диссертаций написать: «научный руководитель Е.М. Сергеев». Таких в таблице 1 указано 75 человек. Из них 38 мужчин и 37 женщин. Часто нужны точность и аккуратность, которыми обладают большинство женщин. Отсюда следует первый вывод: в новом направлении геологической науки, инженерной геологии и грунтоведения процент женщин-научных работников повышается по сравнению с предыдущими годами развития геологической науки. Ко-

нечно, такой вывод нельзя распространять на всю геологическую науку, но возможно, что это будет типичным и для других ее разделов.

Защита кандидатских диссертаций по десятилетиям

1951–1960 — 8	1981–1990 — 9
1961–1970 — 27	1991–н.в. — 2
1971–1980 — 29	Всего — 75

Второй вывод: подготовка кандидатов наук по десятилетиям шла неравномерно. Наибольшее число кандидатов было подготовлено с 1961 по 1980 г., когда развернулись экспедиционные работы и полностью было освоено новое лабораторное оборудование кафедры. Отсюда следует, что кандидатские диссертации по нашей специальности, как и по другим, хотя и зависят в первую очередь от способностей их авторов, могут успешно выполняться только тогда, когда для их разработки существует необходимая база.

Третий вывод: способность автора «не ставить точку», когда помимо основного материала у него оказывается еще дополнительный. Лучше задержать защиту, но обработать и этот дополнительный материал. Примером могут служить исследования А.Н. Вахтановой, работавшей в Западных Каракумах. Помимо диссертационного материала по такырам она собрала много материала по геологии, инженерной геологии и другим особенностям Западных Каракумов и поэтому сумела защитить в 1954 году кандидатскую диссертацию по такырам, а в 1972 году — уже докторскую диссертацию по факторам, определяющим сейсмичность Западной Туркмении. А.Н. Вахтанова на протяжении длительного времени заведовала кафедрой в Воронежском университете и, как мне кажется, подготовила значительное количество кандидатов наук с уклоном в экологию.

Имрих Вашковски приехал в МГУ в аспирантуру из Словакии, окончив Братиславский университет им. Каменского. Под моим руководством в 1957 г. защитил в МГУ кандидатскую диссертацию по теме «Инженерно-геологические особенности Томского Приобья», а у себя на родине в 1974 г. — докторскую диссертацию. Является известным специалистом по четвертичным отложениям Европы.

Сотрудник нашей кафедры в МГУ С.Д. Воронкевич защитил кандидатскую диссертацию в 1958 году, а после защиты докторской диссертации стал заведовать у нас на кафедре лабораторией по искусственному закреплению грунтов (технической мелиорации грунтов) после окончания Сергея Сергеевича Морозова.

«Урожайный год» на докторов на кафедре инженерной геологии и грунтоведения МГУ был 1977. В этом году защитили докторские диссертации воспитанники кафедры со студенческих лет: Осипов Виктор Иванович (кандидат с 1964 г.), Трофимов Виктор Титович (кандидат с 1964 г.), Осипов Юрий Борисович (кандидат с 1966 г.). У каждого из них были свои идеи, свой собранный в экспедиции материал.

В дальнейшем наибольших успехов добился В.И. Осипов, будучи избранным членом-корреспондентом АН СССР в 1987 году и академиком РАН в 1991 году. По существу, он возглавляет инженерную геологию в РАН.

Ученики академика Е.М. Сергеева (по имеющимся у автора сведениям на 1993 г., в алфавитном порядке)

№	Ф.И.О.	Год защиты	Дальнейшая работа после защиты диссертации
1	Агошков А.К.	1957	Строительство и эксплуатация взлетно-посадочных плит на аэродромах (точных сведений нет)
2	Алексеевко Г.А.	1974	Доцент кафедры инженерной геологии и механики грунтов ВЗИСИ
3	Ангелов К.А. (Болгария)	1976	Доцент Болгарского Горно-геологического института, удостоен первой премии МАИГ для молодых ученых
4	Березкина Г.М.	1958	Пенсионерка
5	Белый В.Л.	1964	Руководит инженерно-геологическими изысканиями в ряде стран
6	Бронштейн Б.Е.	1965	Работал в Донбассе, затем в Днепропетровске в связи с разработкой угольных месторождений
7	Бочко Р.А.	1971	Работает в Академии нефти и газа им. Губкина (ГАНГ)
8	Барая Н.И.	1974	Уехала на работу в Омск
9	Бабаев А.	1976	Работал в горах Азербайджана на строительстве земляных плотин, затем преподавал в одной из африканских стран на французском языке инженерную геологию. Вернулся на Родину
10	Бирюкова О.Н.	1978	Работает на факультете почвоведения
11	Бахирева Л.В.	1979	По окончании географического факультета МГУ работала на кафедре инженерной геологии геологического факультета и защитила кандидатскую диссертацию по проблемам городских агломераций на примере Москвы, зав. лабораторией Инженерно-геологического и геоэкологического научного центра РАН
12	Бородулина Д.В.	1980	Работает в институте г. Целинограда в должности доцента
13	Вахтанова А.Н.	1954	Работала в Институте геологии Туркменской АН, после защиты докторской диссертации в 1972 г. заведовала кафедрой гидрогеологии и инженерной геологии Воронежского университета
14	Вашковски И. (ЧССР)	1957	Защитил на Родине докторскую диссертацию в 1974 г. Работал зав. отделом четвертичных отложений в Геологическом институте Словакии (ЧССР)
15	Васильева А.А.	1960	Работала научным сотрудником в НИИ
16	Воронин А.М.	1973	Доцент кафедры инженерной геологии и механики грунтов ВЗИС
17	Вашковска Е.	1963	Работала в отделе четвертичных отложений Геологического института Словакии в должности научного сотрудника
18	Герасимова А.С.	1962	Зам. зав. кафедрой инженерной геологии и охраны геологической среды МГУ
19	Горбунова Т.А.	1975	Работала в Барнауле преподавателем в институте
20	Григорьева С.В.	1979	Работает по изучению инженерной геологии отдельных территорий
21	Градский Б.В.	1980	Работает в Мингео по инженерной геологии
22	Дивисилова В.И.	1972	Работает на кафедре по искусственному закреплению грунтов
23	Димитрова Р.И.	1974	Работала на изыскании под строительство метрополитена в Софии
24	Ефременко С.Д.	1991	Оставлена работать м.н.с. на кафедре инженерной геологии и охраны геологической среды геологического факультета МГУ
25	Ершова С.Б.	1971	Работала на кафедре с.н.с., сейчас на пенсии
26	Злочевская Р.И.	1966	Работала на кафедре по изучению физико-химических процессов в дисперсных грунтах. Недавно уехала на постоянную работу в США
27	Ильинская Г.Г.	1954	Работала на кафедре в лаборатории грунтоведения, внедряла в исследования грунтов электронную микроскопию. Рано умерла
28	Куприна Г.А.	1953	Первый мой аспирант, блестяще защитила кандидатскую диссертацию (тоже первой) в МГУ в главном корпусе на Ленинских горах по западным Каракумам, очень рано умерла
29	Кульчицкий Л.И.	1962	Работал во ВСЕГИНГЕО, продолжал изучение физико-химических свойств высокодисперсных грунтов; защитил докторскую диссертацию
30	Коцеруба Л.А. (Романовская)	1962	Работала по изучению осадочных пород; в последнее время не по инженерно-геологическому профилю
31	Копейкин В.И.	1962	Изучал лессы Днепропетровска и их изменение под влиянием промышленной и гидротехнической деятельности человека
32	Красилова Н.С.	1963	Физико-химические исследования грунтов на базе инженерно-геологического картирования трассы БАМ. Оставлена на кафедре старшим научным сотрудником
33	Коломенский Е.Н.	1969	Математические методы в инженерной геологии. В 1985 г. защитил докторскую диссертацию. Работает на кафедре инженерной геологии МГУ
34	Кириин Б.М.	1973	После защиты работал на химфаке МГУ
35	Коломенская В.Н.	1974	Инженерно-геологическое изучение Западной Сибири. Работала с.н.с. в лаборатории Инженерно-геологического и геоэкологического научного центра РАН. Сейчас на пенсии
36	Калачев В.Я.	1974	Оставлен на работу на кафедре
37	Котлов В.Ф.	1976	С.н.с. института литосферы РАН
38	Кожобаев К.А.	1977	Защищал по тиксотропии глин; был на стажировке в Югославии. Доцент в Киргизии
39	Комиссарова Н.Н.	1978	Изучение микроструктуры лессов, ассистент нашей кафедры
40	Королев В.А.	1978	Физико-химические свойства грунтов. В 1989 г. защитил докторскую диссертацию. Профессор кафедры МГУ

Ученики академика Е.М. Сергеева (по имеющимся у автора сведениям на 1993 г., в алфавитном порядке)
продолжение

№	Ф.И.О.	Год защиты	Дальнейшая работа после защиты диссертации
41	Куликова З.В.	1983	Проблемы региональной инженерной геологии. Работает в ПНИИИСе
42	Коломийцев Н.В.	1985	Проблемы инженерной геологии Прикаспийской низменности, работает научным сотрудником по специальности
43	Козлякова И.В.	1988	Инженерно-геологический и геоэкологический научный центр РАН
44	Кольчугина Т.П.	1985	Изучение взаимодействия микроорганизмов с минералами при решении различных задач. Читает лекции на эту тему по контракту в американских (США) университетах
45	Кутепов В.М.	1967	Окончил кафедру грунтоведения и инженерной геологии по вечернему отделению в 1961 г. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1988 — докторскую. Зам. директора по научной работе Инженерно-геологического и геоэкологического научного центра РАН
46	Минервин А.В.	1959	Оставлен на кафедре, старший научный сотрудник. Известный специалист в изучении лессовых пород
47	Матвеев Ю.Д.	1970	Изучение процесса выветривания при различных видах строительства. Трагически погиб
48	Мохит Эль Дик (Банана)	1975	Инженерно-геологические процессы в связи со строительством ирригационных каналов
49	Максимова Т.В.	1984	Региональные исследования по трассе БАМа. В последнее время в г. Владимире
50	Мавлянов Н.Г.	1986	Изучение просадочных лессов в связи с их абсолютными отметками залегания
51	Николаева С.К.	1982	Изучение природы тиксотропности глинистых грунтов; научный сотрудник кафедры
52	Одинцова Л.И.	1957	Сотрудник ВСЕГИНГЕО. Сдвигание грунтов
53	Осипов В.И.	1964	Применение физико-химических методов в инженерной геологии. Доктор наук (1977), член-корр. РАН(1987), академик РАН (1991)
54	Осипов Ю.Б.	1966	Доктор наук (1977). Зав. кафедрой Академии народного хозяйства
55	Павлов Б.М.	1963	Строительство в условиях севера (вскоре после защиты умер)
56	Подкаминер О.С.	1967	Работает в С.-Петербурге. Инженерно-геологические особенности морских отложений
57	Поляков А.С.	1973	Оставлен на работе в университете
58	Рекшинская Л.Г.	1964	Электронная микроскопия глинистых минералов. Приглашена на работу на кафедру исторической геологии
59	Рахматуллаев Х.Х.	1977	Лессы Узбекистана. Работает в АН Узбекистана
60	Серегина Ю.А.	1964	Тема диссертации — аллювий Оби. Оставлена на работу в университете, сейчас на пенсии
61	Сергеев А.И.	1970	Болотные отложения Западной Сибири. Работает старшим научным сотрудником в Инженерно-геологическом и геоэкологическом научном центре РАН
62	Слонимская М.В.	1967	Тема диссертации — теплота смачивания грунтов и адсорбционные процессы. В настоящее время уехала работать в США
63	Соколов В.Н.	1974	Исследования грунтов с помощью растрового электронного микроскопа и специальных приставок к нему. Доктор наук с 1989 г., профессор кафедры
64	Соколов Б.А.	1975	Доктор наук. Работает в Минвузе и по совместительству на кафедре
65	Трофимов В.Т.	1964	Инженерно-геологические условия севера Западной Сибири. Доктор наук (1977), профессор. Проректор МГУ по научной работе, зав. кафедрой инженерной геологии и охраны геологической среды
66	Терешков Г.М.	1970	Сибирские увалы. Нечерноземье России (начальник экспедиции). Внезапная скоростная смерть в Москве
67	Тимирясова Е.Х.	1976	Изучение лессовых пород в связи со строительством КАМАЗа; новые представления
68	Трофимов Б.Т.	1977	Инженерно-геологическое изучение кремнистых пород Западной Сибири в ее западной части. Работает в ПНИИИСе
69	Усупаев Ш.Э.	1992	Доктор наук. Лессы Киргизии
70	Филькин Н.А.	1973	Долины рек, впадающие в Северный Ледовитый океан восточнее Оби. Зав. кафедрой инженерной геологии и механики грунтов ВЗИСМ
71	Филимонов С.Д.	1980	Старший научный сотрудник Инженерно-геологического и геоэкологического научного центра РАН
72	Цаберт Е.А.	1984	Работает по специальности во ВСЕГИНГЕО
73	Шаронова В.В.	1961	Последние годы по специальности не работает
74	Шибаква В.С.	1967	Работала научным секретарем научного совета Академии наук по инженерной геологии и гидрогеологии. Сейчас на пенсии
75	Чжа-Цзе-Сань	1963	Доктор наук КНР, руководитель института

Ответственную работу ведет Виктор Титович Трофимов в Московском университете, став заведующим кафедрой инженерной геологии и охраны окружающей среды и проректором МГУ по научной работе.

Юрий Борисович Осипов заведует кафедрой в Академии народного хозяйства при Совете министров.

Студенты и аспиранты, приезжавшие из Китая для обучения в МГУ, тоже проявили большие способности. Защитивший кандидатскую диссертацию под моим руководством в 1963 году китайский аспирант Чжао Цзе Сань (полученные им данные были использованы в учебнике «Грунтоведение», изданном в МГУ) в настоящее время

является одним из ведущих ученых КНР в области инженерной геологии. Моя дипломница У Сяо Линь, выполнявшая дипломную работу по Советско-Китайской экспедиции на верхнем Амуре в 1958 году, защитила у себя на Родине докторскую диссертацию, является заместителем директора института гляциологии и научным руководителем Канадско-Китайской экспедиции в Канаде, США. Все это мне известно из ее писем и присланных фотографий.

Не могу не рассказать о своем ученике В.Н. Соколове. Вячеслав Николаевич Соколов защитил кандидатскую диссертацию в 1974 году по минералогии глин, точнее самих глинистых минералов, исследованных с помощью сканирующего электронного микроскопа. Со своими сотрудниками он сконструировал уникальный прибор, получивший авторские приоритетные справки в Японии, США и других странах мира, который в считанные минуты дает характеристику исследуемой глины (ее минерального состава, структуры, основных свойств). Естественно, что он легко защитил докторскую диссертацию. Приходится удивляться, что авторы, кафедра, факультет и МГУ в целом слабо пропагандируют эти работы.

Думаю, что не менее 12 докторов из моих учеников ведут активные научные исследования. Значительный вклад в развитие науки был сделан при организации Инженерно-геологического и геоэкологического научного центра в ОГГГН РАН. Академик В.И. Осипов — директор этого центра, его заместителем по научной работе является Владимир Митрофанович Кутепов, который защищал докторскую диссертацию при наличии моего положительного отзыва. Главный научный сотрудник ИГЦ РАН Лорина Ваграмовна Шаумян, по моей рекомендации защищала докторскую диссертацию, посвященную инженерно-геологической характеристике массивов горных пород в связи с добычей полезных ископаемых. Должен оговориться, что в этой области ведущим специалистом является не одна она. Больше всего работала в области инженерной геологии массивов горных пород Г.А. Голдковская и Л.В. Шаумян, ее ученица. Но, к сожалению, руководитель просмотрел возможность использовать собранный Л.В. Шаумян материал для обобщения в виде докторской диссертации, а заведующий кафедрой подсказал такую возможность. Когда работаешь друг с другом повседневно, этот момент можно пропустить и чисто случайно.

Так, например, получилось у меня с Ренатой Исааковной Злочевской. Она была сотрудницей С.С. Морозова и пришла к нам на кафедру с почвенного факультета. Очень способная, инициативная, аккуратная в постановке и проведении эксперимента и очень скромная, не навязывающая свои идеи. С.С. Морозов — человек очень скромный — особенно не пропагандировал ее достижения в области искусственного закрепления грунтов. Ею была подготовлена кандидатская диссертация, когда она занимала чуть ли не лаборантскую должность или должность младшего научного сотрудника. Я прочитал ее диссертацию, и создало убеждение, что она написана на докторском уровне. Сказал об этом С.С. Морозову, тот подтвердил, что у нее нет специального инженерно-геологического образования и служебная должность низковата. Посоветовался со своими товарищами по кафедре. Говорят: «Мы еще не кандидаты, а вы уже хотите ее в доктора. Нехорошо». Тогда я принял решение: защита кандидатской диссертации долж-

на состояться при трех официальных оппонентах: академик П.А. Ребиндер, профессор, доктор с физического факультета МГУ Киселев, заведующий кафедрой грунтоведения ЛГУ А.К. Ларионов. Академик П.А. Ребиндер написал отзыв — «доктор», Киселев — «при повторной защите можно присвоить докторскую степень» (что-то вроде этого), Ларионов был такого же мнения.

Работу Рената Исааковна защитила хорошо, ее тут же перевели на должность старшего научного сотрудника. У нее появились свои ученики и среди них Владимир Александрович Королев, который сейчас стал доктором, и профессором. А Ренату Исааковну в этом году «переманили» к себе американцы на постоянную работу. Вот как приходится расплачиваться за допущенные ошибки. На память о себе Рената Исааковна подарила мне самодельный сувенир с дарственной надписью...

Отсюда я делаю четвертый, и последний, вывод — руководитель должен помогать в науке своим ученикам-аспирантам смелее, без оглядки, без раздумья о том, а что скажут другие. Совесть научного руководителя должна быть его единственным судьей.

Исходя из этого я поддержал докторскую диссертацию Усупаева Шойшелы Эшманбетовича «Формирование лессовых пород Чуйской впадины» (1982 г.), несмотря на возражения некоторых ученых, работающих в области изучения лессов, имея в виду, что она будет перезащитаться. ВАК присвоил Усупаеву ученую степень доктора геолого-минералогических наук.

В заключение мне хочется рекомендовать аспирантам, кандидатам и просто научным сотрудникам, работающим в инженерной геологии и экологии, знакомиться с литературой, которая поможет им в построении комплексных исследований и глубже разобраться с вопросами экологии в инженерной геологии. Надо рассматривать эту книгу и как обмен опытом в работе, и как информацию научной общности о некоторых аспектах развития инженерной геологии и современной геологической науки вообще.

На этом автор решил закончить свою рукопись. Проглянув ее, я нашел ее несколько странной по построению. Но, думалось мне, писать иначе я не мог — это моя жизнь. Так она сложилась. Я мог бы всю жизнь проработать топографом и, наверное, принес бы какую-то пользу. Мог работать в парторганах, но, к счастью, этого не случилось, мне никогда не нравилась жесткая дисциплина, «демократия только сверху», но я мирился с этим потому, что верил в будущее. Судьба была милостива ко мне: был на фронте, тяжело ранен, но остался жив. Трудно гадать, как сложилась бы жизнь. Но я выбрал Московский университет и не ошибся. Здесь я приобщился к науке, работал с молодежью, с интересными людьми, большими учеными и не имеющими высоких степеней и званий, просто хорошими людьми. Я рад, что мои дети и внуки выбрали своей специальностью тоже геологию. А всю нашу семью объединяет дорогая моя супруга Александра Михайловна. Жизнь подарила мне прекрасных друзей-товарищей, память о которых я берегу. Хочется верить, что Московский университет будет развиваться плодотворно, что страна наша обретет достойные ее благополучие и покой, хочется, чтобы всем жилось хорошо, а наша планета была мирным домом. 🌍

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

К публикации принимаются оригинальные (ранее не издававшиеся) научные статьи, соответствующие тематике журналов «Инженерная геология», «Инженерные изыскания», «Геориск» и «Геотехника», оформленные по следующим требованиям.

1. Статьи принимаются в электронном виде.
2. Объем статьи составляет до 40 тыс. знаков с пробелами (до 10–12 страниц при шрифте 12 пт TimesNewRoman через одинарный межстрочный интервал, выравнивание по левому краю). В статье может быть не более 6 авторов. (см. Образец оформления статьи).

3. Далее указывается УДК, который можно подобрать в справочнике <https://teacode.com/online/udc/>.

4. В начале статьи располагается непрономерованный рисунок или фотография с высоким разрешением по теме статьи, которые редакция использует в качестве заглавного фото статьи.

5. Далее на русском и английском языках приводятся: название статьи, ФИО автора (авторов) с полной расшифровкой имени и отчества на русском языке и имени на английском языке, место и почтовый адрес работы, электронный адрес, телефон (не для печати), аннотация (не менее 200–250 слов), список ключевых слов (6–12 слов через точку с запятой).

Аннотация должна соответствовать следующим требованиям:

а) быть информативной (избегать общих слов, излагать существенные факты работы);

б) содержать следующую информацию: цель и актуальность исследования (какая проблема рассматривается и почему именно она), применяемые методы (кратко перечислить, какие методы были использованы для достижения поставленной цели), основные результаты и выводы;

в) выводы должны быть основаны на информации, которая представлена в статье (этим же требованиям должны соответствовать и выводы, приводимые в основном тексте статьи);

г) английский вариант аннотации (abstract) должен быть написан литературным английским языком (upper-intermediate) (см. Рекомендации по написанию аннотаций).

6. Текст статьи включает: введение с указанием цели и задач работы, описание методики (методов) исследования, характеристику объекта исследования, полученные результаты, их обсуждение и выводы (заключение).

7. В конце текста статьи приводится пронумерованный список цитируемой литературы: сначала на русском, а затем на английском языке. Ссылки должны располагаться в алфавитном порядке: сначала источники, опубликованные на русском языке, затем на других языках, далее — электронные ресурсы.

За точность библиографии несет ответственность автор. Рекомендуется указывать не менее 20 источников. Ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия не включать в список литературы, а выносить в подстрочные сноски. Полные названия нормативных документов (ГОСТы, постановления, федеральные законы) приводить непосредственно в тексте статьи, не включать в список литературы.

Рекомендуемая доля иностранных источников литературы — не менее 30%, доля источников литературы не старше 5 лет — не менее 30% (за исключением исторических обзоров), доля самцитирования — не более 20%.

8. Русский (Список литературы) и англоязычный (References) списки литературы оформляются по стандарту «Harvard» (см. Образец оформления списка литературы). Для транслитерации (фамилий авторов, названий издательств, журналов и т.д.) рекомен-

дуется система транслитерации Google переводчик.

9. Ссылки на источники из списка литературы приводятся в тексте статьи в виде номеров в квадратных скобках (например, [2], [4–6], [2, 7–10, 15]).

10. Все использованные в статье буквенные обозначения, сокращения и аббревиатуры расшифровываются сразу после их первого упоминания в тексте статьи, на рисунке, в таблице или формуле.

Формулы должны быть набраны в Microsoft Equation 3.0 или (предпочтительнее) в MathType 4.0.

11. В пределах одной и той же статьи одни и те же параметры обозначаются одинаково, а разные — по-разному (учитывая верхние и нижние индексы, регистры и т.п.) независимо от первоисточника.

12. Формулы сопровождаются сквозной нумерацией и экспликациями (расшифровкой обозначений при их первом упоминании с указанием единиц измерения).

13. Единицы измерения параметров указываются в системе СИ.

14. Рисунки (фотографии) хорошего качества вставляются в текст статьи после соответствующих ссылок на них. Дополнительно они должны быть присланы в отдельной папке в векторном формате и/или в форматах jpg, tif или png с разрешением не менее 300 пикселей на дюйм (или 300 dpi). Цветные карты принимаются с разрешением не менее 600 dpi.

При подготовке рисунков в электронном виде просим соблюдать следующие требования:

а) толщина линий должна быть не менее 0,15 мм;

б) масштаб надписей должен быть соразмерным с рисунком;

в) рисунки должны быть максимально разгружены и легко читаемы.

Если рукопись включает графики или диаграммы, авторы могут выслать оригинальные файлы в формате .xls, .xlsx (с возможностью их редактирования).

15. Рисунки (фотографии) сопровождаются сквозной нумерацией и подрисуночными подписями (на русском и английском языках). На графиках указываются названия осей.

16. Таблицы сопровождаются сквозной нумерацией и названиями (на русском и английском языках).

Примечания

1. Статьи проходят внутреннее и внешнее рецензирование, литературную и техническую редакцию, корректирование. Отредактированные и сверстанные статьи высылаются авторам на согласование (при необходимости — на доработку).

2. После публикации статьи автор может получить ее электронную версию в формате pdf по электронной почте и бесплатный авторский экземпляр журнала в редакции.

Условия передачи авторских прав

Автор, направляя статью в редакцию журнала «Инженерная геология», подтверждает, что:

— представленная статья не публиковалась ранее и не находится на рассмотрении в других изданиях, рукопись является оригинальной;

— все авторы данной статьи согласны с публикацией.

Авторское право на опубликование статьи принадлежит редакции журнала «Инженерная геология». Автор принимает на себя ответственность за опубликование данного материала, включая всех соавторов. Автор передает авторские права на копирование и распространение, включая повторное тиражирование.

ООО «ИГИИС»

Институт геотехники и инженерных изысканий в строительстве

ООО «ИГИИС» — коллектив высококвалифицированных специалистов в области инженерных изысканий в строительстве, обладающих большим опытом проведения всех видов инженерных изысканий — инженерно-геологических, инженерно-геодезических, инженерно-экологических, инженерно-гидрометеорологических, а также работ в области поиска и разведки грунтовых стройматериалов и подземных вод.

Специалисты ООО «ИГИИС» имеют большой опыт разработки федеральных нормативно-технических документов в области инженерных изысканий и специальных технических условий (СТУ), а также выполнения работ по обеспечению качества инженерных изысканий — экспертизы заданий и программ инженерных изысканий, надзора за выполнением полевых работ и лабораторных исследований, экспертизы технических отчетов. Разрабатывается и производится геофизическое оборудование и оборудование для геотехнического мониторинга. Объекты, на которых работает ООО «ИГИИС», — это, как правило, крупные и очень крупные строительные проекты.

**107076, Москва, ул. Электrozаводская, д. 60.
Телефон: +7 (495) 366-31-89, факс: +7 (495) 366-31-90.
E-mail: mail@igiis.ru**

ПрогрессГео

Лабораторное и полевое
оборудование

Проектирование
Производство
Поставка

Комплекс «ЛИГА»

Назначение:

Испытания образцов грунта методами:

- трехосного сжатия
- компрессионного сжатия
- суффозионного сжатия
- релаксации напряжений
- одноплоскостного среза
- и др.

Стоимость: от **247 000 р.**

Преимущества:

- программное обеспечение для управления опытом и обработки данных
- увеличенная производительность
- низкая стоимость
- малые размеры
- простота эксплуатации
- высокая надежность
- комплекс внесен в **Государственный реестр средств измерений**

Прибор ПСН-0.16.10

Назначение:

Испытания образцов скальных грунтов правильной и неправильной формы с помощью сферических инденторов или плоских штампов.

Преимущества:

- Усилие до 100 кН (10 тонн-силы)
- Высокая производительность и надежность
- Не требует предварительной обработки образцов
- Не требует технического обслуживания и пусконаладочных работ
- Прибор внесен в **Государственный реестр средств измерений**
- Автоматизированная обработка данных и расчет площади скола образца в соответствии с ГОСТ

Стоимость: **197 000 р.**

сферические
инденторы

плоские
штампы

г. Москва, ул. Искры, д. 31, корп. 1
www.progressgeo.ru, www.stabilometr.ru

+7 (495) 656-52-91, +7 (499) 1300-767,
+7 (916) 523-81-41, progressgeo@mail.ru

Лабораторные испытания грунтов
в аккредитованной лаборатории

АО МОСТДОРГЕОТРЕСТ

аккр. № РОСС RU.0001.21АГ.09

Более 100 видов исследований

Курсы повышения квалификации

г. Москва, +7 (495) 656-69-10, +7 (495) 656-65-80, +7 (916) 999-80-11 mostdorgeotrest@mail.ru